

ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ С ВИДАМИ ПРИШТИНЫ (КОСОВО / СЕРБИЯ): ОБРАЗ ГОРОДА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В 1910–2010-х гг.

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

Аннотация: В статье прослеживаются способы репрезентации городского пространства посредством открытых писем (открыток) в разные исторические периоды в различных политических образованиях (на примере города Приштина — столицы частично признанной Республики Косово). Автор рассматривает производство и функционирование открыток и прочей сувенирной и полиграфической продукции (карт, путеводителей, банкнот и пр.) в качестве элемента и рычага символического нациестроительства, являющегося продуктом политического режима конкретного государства (уже существующего или создающегося), которое преследует определенные социально и культурно ориентированные политические цели. В результате исследования становится очевидным, что выбор объектов и видов для публичного тиражирования (посредством открыток) не случаен, за ним прочитывается идеологический месседж, цель которого — формирование совершенно определенного официального лица города. Визуальный и вербальный текст открытки иллюстрирует политические и культурные ориентации государств, в которых были произведены открытки (в частности, на это указывает выбор используемого(-ых) языка(-ов) и алфавитов). Таким образом, предпринимается попытка вписать индустрию производства и бытования почтовой открытки в феномен, который в социальной теории получил название *банального* (повседневного, обывательского) *национализма*.

Ключевые слова: Приштина, Косово, Сербия, Югославия, символическое нациестроительство, сувенирная продукция, открытки, репрезентация городского пространства.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве» (рук. С.Ю. Белоруссова).

Для ссылок: Ермолин Д. Почтовые открытки с видами Приштины (Косово / Сербия): образ города и его эволюция в 1910–2010-х гг. // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 72–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-72-96

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/ermolin.pdf>

**POSTCARDS WITH THE SIGHTS OF PRISTINA
(KOSOVO / SERBIA): THE IMAGE OF THE CITY
AND ITS EVOLUTION IN THE 1910s–2010s**

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

Abstract: This article analyses the different strategies of representation of urban space by means of postcards in different historical periods and within various political entities (on the example of the city of Pristina — the capital of the partially recognized Republic of Kosovo). The author investigates the production and functioning of souvenirs and graphic products (tourist maps, travel guides, bank notes, etc.) as an instrument of symbolic nation-building that is indeed a product of the political regime of a particular state, which pursues certain social and culturally oriented political goals. This study shows that the choice of sites and objects for public representation by means of postcards has been made deliberately, and supports an official ideological message in order to create a clear-cut and official image of the city. Visual and verbal texts of postcards illustrate the political and cultural orientations of the states that have produced those souvenirs. We see it in the choice of the language(-s) and alphabets. Thus, the author has attempted to incorporate the industry of production and existence of a postcard into a phenomenon that social theory calls banal nationalism.

Keywords: Pristina, Kosovo, Serbia, Yugoslavia, symbolic nationbuilding, souvenirs, postcards, representation of urban space.

Acknowledgments: The reported study was funded by the RFBR, research project No. 18-39-20004 “Ethnocultural Projects and Their Leaders in the Post-Soviet Space”.

To cite: Ermolin D., ‘Pochtovye otkrytki s vidami Prishtiny (Kosovo / Serbiya): obraz goroda i ego evolyutsiya v 1910–2010-kh gg.’ [Postcards with the Sights of Pristina (Kosovo / Serbia): The Image of the City and Its Evolution in the 1910s–2010s], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 41, pp. 72–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-72-96

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/ermolin.pdf>

Денис Ермолин

Почтовые открытки с видами Приштины (Косово / Сербия): образ города и его эволюция в 1910–2010-х гг.

В статье прослеживаются способы репрезентации городского пространства посредством открытых писем (открыток) в разные исторические периоды в различных политических образованиях (на примере города Приштина — столицы частично признанной Республики Косово). Автор рассматривает производство и функционирование открыток и прочей сувенирной и полиграфической продукции (карт, путеводителей, банкнот и пр.) в качестве элемента и рычага символического нацистроительства, являющегося продуктом политического режима конкретного государства (уже существующего или создающегося), которое преследует определенные социально и культурно ориентированные политические цели. В результате исследования становится очевидным, что выбор объектов и видов для публичного тиражирования (посредством открыток) не случаен, за ним прочитывается идеологический месседж, цель которого — формирование совершенно определенного официального лица города. Визуальный и вербальный текст открытки иллюстрирует политические и культурные ориентации государств, в которых были произведены открытки (в частности, на это указывает выбор используемого(-ых) языка(-ов) и алфавитов). Таким образом, предпринимается попытка вписать индустрию производства и бытования почтовой открытки в феномен, который в социальной теории получил название *банального* (повседневного, обывательского) *национализма*.

Ключевые слова: Приштина, Косово, Сербия, Югославия, символическое нацистроительство, сувенирная продукция, открытки, репрезентация городского пространства.

Целью статьи является попытка проследить способы репрезентации определенного города посредством открытых писем (открыток) в разные исторические периоды в различных политических образованиях. В качестве примера мною был выбран город Приштина (Косово¹ / Сербия), таким образом, статья стала продолжением работы по изучению трансформации социокультурного ландшафта городов Косово на рубеже XX–XXI вв. (см.: [Ермолин 2014; 2015; 2016 и др.]).

В исследовании применяется подход к изучению полиграфической продукции (карт, путеводителей, почтовых марок и др.) как визуального источника, выступающего в качестве проводника определенных культурных, политических и идеологических установок [Rose 2001: 157–158]. Обозначенная проблематика задает теоретическую рамку исследования — за основу берется критический анализ визуальной и текстовой информации с учетом различных контекстов ее

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

¹ В сербской номенклатуре территориально-административных единиц — Автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

бытования [Rose 2001: 27–30; Kürti 2004]. Этот подход дополняется методом семиотического анализа визуальных изображений, предложенным Р. Бартом в поисках ответа на вопрос, каким образом смысл соединяется с изображением, в эссе «Риторика образа»: мыслитель учит видеть и выделять в образе (изображении) разные по своей природе *сообщения*, улавливая в каждом из них как буквальный, так и символический (коннотативный) смысл [Барт 1989: 300–303].

Кроме этого, при теоретическом осмыслении феномена почтовой открытки вскрывается его прямая связь с антропологией туризма, одним из направлений которой является анализ многогранной идентичности туриста и формирование критического подхода (с позиции гуманитарного знания, в т.ч. теории национализма) к индустрии массового туризма как таковой [Dann 1996; Koshar 1998; Lee 2001; Mazor-Tregerman et al. 2015 и др.]. В ряде работ почтовые открытки анализируются с точки зрения их роли в конструировании и репрезентации туристического направления, привлекательного для путешественников (см., например, работы Э. Милмана: [Milman 2011; 2012]).

В настоящей статье производство и бытование почтовой открытки рассматриваются не в последнюю очередь в качестве элемента и рычага символического нациестроительства, являющегося продуктом политического режима конкретного государства (уже существующего или создающегося), которое преследует определенные социально и культурно ориентированные политические цели [Kolstø 2014]. Особенность Косово как примера в данном случае заключается в неоднородности этнического состава, сложной историко-политической ситуации и факторе вовлеченности внешних сил.

Стоит обозначить, что исследование не предполагало анализа бытования открытки и ее взаимодействия с потребителем, хотя работа подобного рода представляется крайне перспективной, поскольку позволяет не только установить географию социальных связей и осветить некоторые аспекты повседневной жизни адресантов почтовых открыток в различные периоды истории города и региона, но и определить функции продавца и покупателя (туриста) в качестве распространителей тиражируемого на открытках образа.

Почтовые открытки и идеологический нарратив

Будучи несомненным феноменом художественной культуры [Родионова 1995], открытое письмо проживает свою жизнь в несколько этапов. Во-первых, ряд функций присущ открытке в период ее непосредственного бытования (об этом см.

ниже), а во-вторых, попадая в музейные и библиотечные собрания или частные коллекции, она становится прекрасным историческим источником [Kürti 2004: 65–67; Ларина 2010; Мозохина 2012: 165–175; Самбур 2013: 65–69 и др.].

Прежде всего почтовая открытка как особый вид почтового отправления выступает в качестве *средства поддержания социальных связей*. Классическая почтовая открытка (открытое письмо, почтовая карточка) со временем трансформировалась¹ в особый жанр вербальной, визуальной и эмотивной коммуникации, реализация которой осуществляется с помощью почтовых служб и, что важно, предполагает непосредственную вовлеченность и участие третьих лиц (работников почтовых отделений) в процесс коммуникации, в отличие прежде всего от корреспонденции по электронной почте [Самбур 2011: 97–100].

Представляется также уместным трактовать феномен почтовой открытки в качестве *места памяти* (в терминологии французского философа и историка П. Нора) определенного сообщества людей, поскольку посредством изображения на открытках памятников, панорамных видов и пейзажей, артефактов (от традиционных костюмов до шедевров живописи) и много другого транслируются культурный и исторический коды, обеспечивающие связь между различными членами и поколениями одной нации (и шире — сообщества людей).

С этим связана и третья функция почтовой открытки: она может выступать в качестве *элемента символического нациестроительства* (что в рамках нашего исследования наиболее релевантно). В этом отношении открытки сближаются с иными видами и типами тиражируемой полиграфической продукции — банкнотами², почтовыми марками, туристическими гидами и путеводителями, картами, календарями и др. Иными словами, всем тем, что визуально и вербально транслирует как официальные (гербы, флаги, названия государств), так и неофициальные (от портретов руководителей государства до изображений эндемичных видов растений и животных) национальные символы и логотипы.

Почтовые марки и банкноты, производство которых на всех этапах контролируется государством, — типичные примеры официальных проводников визуализированной национальной идеи. В частности, П. Раенто и С. Брунн называют почтовые марки «окнами государства», выражающими образовательные, политические, идеологические и даже коммерческие цели

¹ О трансформации и типах открытого письма см.: [Белько, Агафонова 2015: 365–374].

² См., например: [Бреус 2011].

и задачи государства в отношении как внутренней, так и внешней аудитории (что, с моей точки зрения, абсолютно справедливо также и для государственной валюты) [Raento, Brunn 2005: 146].

С почтовыми открытками дело обстоит иначе, поскольку, как правило, их производством и последующей реализацией занимается частный сектор. Однако же и в этой сфере можно говорить о конструировании политических, культурных и социальных ландшафтов нации путем отбора определенных изображений при производстве открыток [Rowley 2013: 45–75]. Стоит сразу же указать на отличия в подходах к феномену открытки, которые зависят от политических установок и ориентиров государства.

Так, в Советском Союзе производством открыток занимались различные издательства (в разные годы крупнейшими из них были «Союзфото», «Искусство», «Советский художник», «Изогиз», «Планета», «Плакат» и др.), деятельность которых регламентировалась в 1920-е гг. Наркоматом почт и телеграфов РСФСР, а позже — Советом Министров СССР¹, что, несомненно, придавало официальный тон и идеологический вес этому виду полиграфической продукции. Одобренное цензурой, изображение на открытке включалось в процесс синхронизации и унификации советского (и шире — социалистического) пространства, одновременно являясь его же порождением [Kürti 2004: 61–62; Милерюс 2008: 44–58]. Хотя в политических образованиях с социалистическим строем влияние официальной идеологии было существенным, было бы неверным полагать, что в демократизируемых странах связь между идеологией и рынком сувенирной продукции полностью отсутствует.

В государствах с меньшим идеологическим контролем, как представляется, меседж открытки зависит в большей степени от предпочтений производителя и его ориентации на рынок. Иными словами, если в СССР государственные и официально уполномоченные структуры являлись монополистами в деле производства и реализации открыток, то в условиях свободного рынка ведется борьба за покупателя, что выражается, с одной стороны, в творческом подходе к дизайну открытки (поиск новых форм и технологических приемов) и в попытке отойти от штампов и банальных визуальных образов, а с другой — в необходимости выдержать привычный пользователю канон жанра открытки как сувенирной продукции. Это приводит в конечном итоге как к воспроизведению тиражируемых и узнаваемых символов места (города, региона, страны), так и к появлению

¹ Об истории открыток в Советском Союзе см.: [Файнштейн 1976].

на открытках неофициальной символики. Скажем, совсем недавно символом черногорского города Котор стал кот (очевидно, по созвучию двух слов), а, став в конце 1960-х гг. неофициальным символом и «национальным» цветком Эстонии¹, синий василек в настоящее время повсеместно встречается на эстонской сувенирной и полиграфической продукции — открытках, почтовых марках, брелоках, магнитах.

В межвоенный период истории Сербии и королевской Югославии (включая Королевство СХС) открытки печатались в частных типографиях и издательствах крупных городов. Например, открытки с видами Приштины были произведены в типографиях, наиболее крупными из которых являлись «Књижара Рајковића и Вуковића» (Белград), «Књижара Боре Топаловића», «Књижара Јов. Т. Костића и Комп.», «Књижара Хаци Илије Лазића», «Књижара Гапе Т. Спасића» (Приштина). Важно подчеркнуть, что владельцами типографий были православные сербы, а не, скажем, турки или албанцы. Что касается открыток в социалистической Югославии, то подавляющее большинство их производилось в Белграде и Загребе, а также в столицах республик и автономных краев. Так, в самой Приштине в разные годы открытки печатались в типографиях “Putnik”, “Prosveta” и “Duvan” по заказу централизованных туристических организаций: “Jugoturist” (Белград), Туристического союза Автономной области Косово и Метохии. Существенное количество открыток было произведено агентством “Turistkomerc” (Загреб).

Важно понимать, что череда вооруженных конфликтов и частая смена политических режимов в Косово каждый раз приводила к тому, что новой правящей элите необходимо было прилагать усилия для деконструкции прежде бытовавших исторических мифов и предлагать новые. Так, после окончательного падения Османской империи сербской администрации на территории Косово пришлось столкнуться с мощным османским культурным наследием (монументальным, социально-политическим, религиозным), для борьбы с которым был актуализирован целый комплекс сербских исторических мифов о Косово, ядром которого является известная Битва на Косовом поле (1389) [Popović 2007: 153–172].

После Второй мировой войны Югославия стала социалистическим государством, политический режим которого потребовал

¹ На сайте “Eesti Network” дается следующее объяснение такому выбору: «Василек растет во ржи. Земледелец сеет рожь. Подрастает рожь, подрастает василек. Ржаные зерна мелют в муку и из нее выпекают черный хлеб. Ржаной хлеб — у эстонцев главная пища. Рожь и василек — нераздельны. Эстонец любит ржаной хлеб, любит васильки. Наверное поэтому выбрали василек нашим национальным цветком» <<http://www1.ee/estonia/symbols/rahvustill.html>>.

дополнительной легитимации и аффирмации, в том числе посредством трансляции идеологизированного нарратива о «братстве и единстве»¹ всех народов и народностей СФРЮ, что также нашло отражение в культурном ландшафте городов Косово. После провозглашения (в одностороннем порядке) независимости Косово политическая элита страны стоит перед выбором новой идеологической платформы: с одной стороны, международное сообщество обязывает власти частично признанного государства идти в ногу с политикой евроинтеграции Западных Балкан и поддерживать ценности мультикультурализма, с другой — проявление этнического национализма на внутривластной арене остается весьма ощутимым.

Сила и возможности визуальных источников информации осознаются и используются (естественно, с разной степенью интенсивности) государством. Именно поэтому в рамках нашего исследования почтовых открыток, одним из аспектов которого является анализ стратегий символического нациестроительства, мне особенно интересна роль государства как проводника определенной идеологии и его участие в формировании и трансляции официального нарратива посредством, казалось бы, такого незначительного феномена, как почтовая открытка. Повседневное бытование и репрезентация официальной и неофициальной символики (прежде всего флагов, гербов, а также денег, почтовых марок и др.) в социальной теории получило название *банального* (повседневного, обывательского) *национализма* [Billig 1995], в который я и попытаюсь вписать индустрию производства и бытования открытки.

Открытки с видами Приштины: анализ источниковой базы

В ходе работы над темой исследования к настоящему моменту было проанализировано 125 открыток, причем в выборку попали лишь те, которые однозначно отсылают к репрезентации Приштины как города (а не, скажем, Косово или Югославии в целом). Это достигается посредством надписей «Приштина», «Привет из Приштины» (серб. *Pozdrav iz Prištine* / *Pozdrav iz Prištine*, алб. *Përshëndetje prej Prishtine*) и пр. на лицевой стороне или указания на то, что изображенный на открытке вид находится в этом городе (на оборотной стороне). Большинство проанализированных источников хранится в Национальной библиотеке Сербии (89 шт.), а также в Архиве Косово (3 шт.), личных архивах моих информантов (9 шт.). Одна винтажная

¹ «Братство и Единство» (србхрв. *Bratstvo i jedinstvo* / *Братство и јединство*, макед. *Братство и единство*, словен. *Bratstvo in enotnost*, алб. *Bashkim dhe Vëllazërim*, венг. *Testvériség és egység*) — популярный лозунг Коммунистической партии СФРЮ.

и 23 современные открытки были приобретены мною во время полевой работы на Балканах (2013–2016). Хронологические рамки источниковой базы охватывают период с 1910-х по 2010-е гг.

На этапе сбора информации, обсуждения и написания этой статьи мои коллеги высказывали мнение, что такой объем источниковой базы слишком мал для того, чтобы можно было сделать какие-либо основательные выводы. Не отрицая этого, все же замечу, что Приштине в составе Сербии / Югославии никогда не вменялась государством функция города, ориентированного на массовый туризм. На территории Косово функцию города-музея выполнял и успешно продолжает выполнять город Призрен. Как представляется, именно поэтому индустрия открыток с видами Приштины никогда не была избыточной. К этому стоит добавить разрушительные последствия войны в Косово — часть архивов и библиотечных собраний пропала во время вооруженного конфликта, а те фонды, что остались на месте, пребывают порой в состоянии, совершенно не приспособленном для работы исследователя. Именно поэтому львиная доля моих источников была найдена в Национальной библиотеке Сербии (Белград).

Одной из основных задач, стоявших передо мною на подготовительном этапе исследования, было определение «государственной принадлежности» источников, поскольку это, по моему мнению, должно помочь вскрыть механизмы и принципы репрезентации городского пространства в различные политические периоды истории Приштины. Получить эту информацию помогает анализ следующих деталей.

1. Указание даты адресантом. Пожалуй, это самый надежный способ узнать исторический период и страну — производителя открытки. Однако и тут исследователь может столкнуться с рядом трудностей. Во-первых, некоторые открытки, релевантные для анализа, так и не были отправлены, и, соответственно, они не являются носителем данной информации. Во-вторых, нельзя исключать возможность того, что открытка была произведена в одном государстве, а продолжила бытование в другом. Так, в ранней постсоветской России и странах СНГ продолжала реализовываться полиграфическая продукция, изготовленная до дезинтеграции Союза. В массиве анализируемого мною материала, по всей вероятности, встречаются открытки, произведенные в Королевстве Сербия, а бытовавшие в том числе в Королевстве СХС и, возможно даже, в первой Югославии.

2. Почтовые марки и штампы. Этот источник информации, безусловно, надежен, однако могут возникнуть те же трудности,

что и в первом случае. Заметим, что почтовые марки и штампы сами по себе являются прекрасным объектом исследования в контексте символического нацистроительства (см., например: [Lauritzen 1988; Frewer 2002; Raento, Brunn 2005; Mønnesland 2013: 10–12] и мн. др.).

3. Прямые указания на год выпуска открытки. Стоит отметить, что подобные данные встречаются крайне редко — как показывают наблюдения, маркирование года выпуска (и прочих выходных данных) вообще не является типичным в индустрии открыток, в отличие, скажем, от тех же почтовых марок, где эта информация обязательна.

4. Косвенные факты из истории города. К таковым я прежде всего отношу, например, знание года постройки некоторых знаковых зданий и памятников Приштины. Скажем, известно, что дворец, в котором сейчас располагается Музей Косово, был построен в 1898 г., а монументальная композиция NEW-BORN — в 2008 г. Еще одной «зацепкой» могут послужить названия типографий, печатавших открытки. Эти сведения, как правило, приводятся с оборотной стороны открытки и могут помочь установить не только исторический период, но и место производства интересующей исследователя открытки (см. выше).

Таким образом, принимая во внимание все вышеотмеченные параметры и проанализировав весь объем источниковой базы, я получил следующую классификацию открыток по государству происхождения:

- Королевство Сербия (1912–1918)¹ — 4 шт.;
- Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929) — 7 шт.;
- Королевство Югославия (1929–1941) — 14 шт.;
- Социалистическая Федеративная Республика Югославия² (1945–1992) — 77 шт.;
- Республика Косово³ (2008 — н.в.) — 23 шт.

¹ В данном случае 1912 г. обозначает время присоединения Косово и частично Метохии к Королевству Сербия в ходе Первой Балканской войны и в результате подписания Лондонского мирного договора (1913), само же Королевство Сербия было образовано в 1882 г. Другая часть Метохии вошла в состав Черногории.

² Такое официальное название государство получило лишь с 1963 г. До этого страна называлась Демократическая Федеративная Югославия (1945–1946) и Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ, 1946–1963).

³ В 1991 г. албанцы Косово провозгласили независимость от Сербии, признанную лишь Республикой Албания. После развала СФРЮ, с 1992 по 2003 г., существовала Союзная Республика Югославия, правопреемником которой стал Государственный Союз Сербии и Черногории (2003–2006), однако сведениями об открытках, выпущенных в тот период, автор не обладает.

Когда язык имеет значение

Не менее важным представляется рассмотреть языковой аспект оформления почтовой открытки и проследить за тем, какие языки использовались в открытых письмах с видами Приштины за минувшие сто лет, что, безусловно, было связано с политической и культурной ориентацией государств, в которых производились открытки.

В качестве данных для анализа фигурируют те же открытки, которые служат основным источником всего исследования, поэтому необходимо понимать, что ниже речь пойдет лишь об основных тенденциях в использовании языков и алфавитов. Помимо типографских надписей на открытке, в случае тех экземпляров, которые были отправлены, можно также говорить о языке на штампах почтового отделения и почтовой марке. Обобщенные сведения об использовании языков и алфавитов на почтовых открытках с видами Приштины приводятся в таблице ниже.

Таблица 1

Основные тенденции использования языков на открытках с видами Приштины в 1910–2010-х гг.¹

Страна производства открытки	Язык пояснительных надписей на открытке	Язык на штампе	Язык на марке
Королевство Сербия	сербский (к) французский	сербский (к) французский	сербский (к)
Королевство СХС	сербохорватский (к)	србхрв. (к=л)	србхрв. (к=л)
Королевство Югославия	србхрв. (к/л) французский	србхрв. (к=л)	србхрв. (к=л)
ФНРЮ / СФРЮ	србхрв. (л/к) с 1969 г. србхрв. = алб. с 1984 г. алб. = србхрв. англ., фр., итал., нем.	србхрв. (к=л)	србхрв. (к=л)
Республика Косово	албанский английский		

Теперь необходимо сделать некоторые комментарии. Как видно из таблицы, в первой четверти XX в. в Королевстве Сербия надписи на открытках и штампах приводились на двух языках —

¹ Пояснения к таблице: (к) — кириллица, (л) — латиница, (к=л) — надписи на кириллице и латинице дублируются, (к/л) и (л/к) — кириллица или латиница, первое чаще, србхрв. = алб. — надпись дублируется на двух языках, первым идет сербохорватский, алб. = србхрв. — то же, первый албанский.

сербском и французском, что в общем не вызывает удивления: функции французского в качестве официального языка международной почты хорошо известны. Кроме этого, выбор в пользу французского (а не немецкого), возможно, стоит соотносить с культурными, политическими и экономическими связями Сербии и Франции в начале XX в.

Однако примечателен тот факт, что французский язык не встречается на почтовых открытках, произведенных несколькими годами позже, в Королевстве СХС. Возможно, это объясняется тем, что во вновь образовавшемся государстве латиница также получила статус официального алфавита для сербохорватского языка и его использование стало достаточным для межгосударственной корреспонденции. Французский язык в качестве международного возвращается на открытки королевской Югославии, однако лишь как язык сопровождающих надписей, на марках и штампах мы видим сербохорватский в двух вариантах написания.

При анализе открыток, произведенных в социалистической Югославии, обращают на себя внимание следующие тенденции: во-первых, расширяется спектр международных языков, на которых приводится пояснительная надпись, — среди них в разной конфигурации встречаются английский, французский, немецкий и итальянский. По всей видимости, этот факт может быть объяснен достижениями в сфере туризма и ориентацией рынка полиграфической продукции (открытки, путеводители, сувенирные книги и пр.) на иностранного потребителя. Во-вторых, с конца 1960-х гг. уверенное место на открытке занимает албанский язык, что связано с реформами, проводившимися в Косово после отставки Александра Ранковича с поста министра внутренних дел и руководителя Службы госбезопасности СФРЮ в 1966 г. и демонстраций албанцев в ноябре 1968 г. Эти реформы имели, несомненно, положительный результат для албаноязычного населения: помимо большей политической автономии края, в Приштине был открыт университет с преподаванием на албанском и сербохорватском языках (1970) и основана Академия наук и искусств Косово (1975).

Использование языков на открытках новейшего периода весьма точно отражает социально-политическую ситуацию в независимом Косово и устремления этого молодого государственного образования. Несмотря на прописанные в Конституции Республики Косово мультикультурализм и равностатусность албанского и сербского на уровне государственных языков, надписи на современных открытках даются на албанском языке с переводом на английский.

Приштина и идея «Старой Сербии»

Этот раздел посвящен образу Приштины, конструируемому и транслируемому посредством почтовых открыток в первой половине XX в. Несмотря на то что Приштина и Косово в целом после дезинтеграции Османской империи до начала Второй мировой войны входили в несколько политических образований, абсолютно доминирующей на государственно-административном уровне в них была сербская культура (по крайней мере для данного региона, невзирая на то, что уже в тот момент албанское население на территории Косово представляло этническое большинство). После оккупации Косово и Метохии русскими и черногорскими войсками и последующего присоединения части региона (другая часть отошла Черногории) к Королевству Сербия бывшие османские города начинают заселяться представителями сербской администрации и военного руководства.

Для полноты картины стоит также упомянуть историографический конструкт «Старая Сербия» (серб. *Стара Србија*), который появился, вероятнее всего, в результате научно-патриотической деятельности Вука С. Караджича в первой половине XIX в. Вскоре термин обрел четкую географическую привязку и стал соотноситься с территорией средневековых сербских государств (XII–XIV вв.), не вошедшей в состав автономного сербского княжества при его создании (1812–1833). Географически он включал регионы Рашка (Санджак), Косово, Метохию, Вардарскую Македонию. Иными словами, под термином «Старая Сербия» в середине XIX в. мы должны понимать геополитические аппетиты молодого сербского государства¹. Не без участия Российской империи эти территориальные претензии были окончательно удовлетворены в результате соглашений Лондонской мирной конференции (1912–1913).

Возвращаясь к анализу источников, отмечу, что на почтовых открытках того периода (до Второй мировой войны) мы видим явный след сербского (позже — югославского) административного и военно-политического присутствия: конструирование ландшафтов новой власти достигается путем репрезентации правительственных зданий, памятников и вновь переименованных улиц на открытках, что являлось частью стратегии национал-строительства.

Поистине символической можно считать историю изображения здания Сербского окружного начальства (под таким названием

¹ Об историографии и различных трактовках этого понятия в контексте строительства сербской нации и идентичности см.: [White 2000: 216–219; Батакович 2014: 24–37; Atanasovski 2015: 36–51; Trifunović 2015].

оно фигурирует на открытке, отправленной в 1913 г.). Совершенно уникально с точки зрения политики конструирования памяти и идеологии дополнение, которое мы находим на той же открытке. Под надписью «Сербское окружное начальство в Приштине» в скобках и более мелким шрифтом указано: «Здание бывшей турецкой управы в Приштинском мутесарифлуке» (см. ил. 1 на цветной вклейке). Действительно, это здание было построено австро-венгерским архитектором в 1898 г. в качестве официальной резиденции османской администрации в Косовском вилайете, но почти сразу после вхождения Приштины в состав Сербии этот элегантный особняк занимает свое место на открытках в качестве символа сербского военного и политического присутствия на территории Косово. По почтовым открыткам мы можем также проследить историю использования этого здания. Так, на открытках, отправленных в 1927 и 1929 гг., особняк упоминается в качестве «Здания Жупанства Косовской области в Приштине», а несколькими годами позже, видимо, уже на открытке королевской Югославии, он назван «Здание Команды Косовской дивизии в Приштине». По сведениям, полученным от информантов, на протяжении почти всего социалистического периода в особняке располагалась штаб-квартира Югославской народной армии, хотя на почтовых открытках периода СФРЮ этот архитектурный памятник уже не встречается. В 1974–1978 и с 1987 г. зданием пользовался Музей Косово (основан в 1949 г.). Во время вооруженного конфликта музей по понятным причинам не функционировал, более того, часть фондов была вывезена в Белград. В 2006 г. особняк был окончательно передан новому Музею Косово, в котором представлена обновленная экспозиция, повествующая об истории края в албанской версии [Ломоносов 2010].

Еще одним частым сюжетом на открытках становится изображение Офицерского дома в Приштине (находился в районе современного рынка, ил. 2). Известно, что Офицерский дом был построен ранее 1928 г. До Второй мировой войны в этом здании проходили всевозможные праздничные мероприятия с участием представителей Приштинского гарнизона и городской элиты, при Офицерском доме проводились выступления оркестра и показывали кино. После войны в здании располагался Пионерский центр. Сейчас этого памятника не существует [Тодић-Вулићевич 1999: 38–39; Gashi 2013: 103–105].

Помимо этих двух зданий, на почтовых открытках того периода часты изображения улиц, названных в честь Карагеоргия¹

¹ Георгий Петрович Карагеоргий (1762–1817) — сербский национальный герой, руководитель первого сербского восстания против османов, основатель династии Карагеоргиевичей.

и Короля Александра¹, мавзолея Муратово Тюрбе², а также отеля «Националь», который был построен в 1927 г. (арх. А. Кремер) и изначально носил имя «Унион», что также отсылает нас к идее объединения южнославянских народов и их земель в единое государство Югославия³.

Само изображение мавзолея Муратово Тюрбе несомненно связано с легендарной и во многом мифологизированной битвой на Косовом поле (1389). Будучи, по сути, частью османского историко-культурного наследия, он довольно часто появляется на открытках периода до Второй мировой войны. Кроме того, нельзя не упомянуть, что в 1924 г. на Косовом поле был установлен «Памятник Косовским героям (1389–1912)» в виде стелы, которую венчает четырехконечный крест. Трудно сказать, почему этот монумент не занял постоянного места на открытках, но все же на одной (отправлена в 1933 г.) он играет роль центрального элемента, наряду с все тем же мавзолеем султана Мурада, улицей Карагеоргия, Офицерским домом и средневековым монастырем Грачаница, иллюстрируя всю полноту сербского видения собственной политической истории и культуры в Косово (ил. 3). История памятника Косовским героям до конца не ясна: по самой распространенной версии он был разрушен косовскими албанцами во время оккупации территории Косово итальянскими, а позже немецкими войсками (1939–1944).

К сожалению, до нас не дошли имена фотографов, сотрудничавших с производителями открыток в самой Приштине⁴ в первой половине XX в., а следовательно, неизвестны их биографии (такие важные детали, скажем, как время и место получения профессиональных навыков, происхождение и вероисповедание). Тем не менее выбор объектов для фотографирования и манера построения кадра вполне выдержаны в духе времени: на открытках представлены либо панорама всего города или отдельной улицы, сфотографированные сверху, либо отдельно стоящие здания (в основном административные, военные или культурные учреждения). По мнению Ариса Анагностопулоса, исследовавшего открытки с видами Ираклиона

¹ Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — правитель Королевства сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), Королевства Югославия (1929–1934).

² Муратово Тюрбе — мавзолей султана Мурада I, погибшего, согласно самой распространенной версии, от руки сербского воина Милоша Обилича в битве на Косовом поле (1389). Располагается в 5 км от Приштины, в местности Газиместан.

³ О символизме в контексте политической идеи югославизма см.: [Mønnesland 2013: 17–46].

⁴ В межвоенный период производством и распространением открыток в Приштине занимались четыре человека: Хаджи Илия Лазич, Агапийе (Гапа) Спасич, Боривойе (Бора) Топалович, Йован (Вана) Костич. Как было сказано выше, все они были сербами.

(Крит), подобный подход к изображению города должен был передать влияние западной цивилизации и модернизма на ткань постосманских урбанистических центров, противопоставляя четко спланированную поквартальную европейскую застройку ориентальному принципу организации городского пространства [Anagnostopoulos 2011: 180].

Обращает на себя внимание тот факт, что на косовских открытках межвоенного периода практически отсутствуют мечети: если они и появляются в кадре, то сопровождающая иллюстрацию подпись (как правило, выполненная на сербском языке фраза «Привет из Приштины») частично закрывает или вовсе маскирует исламский компонент.

Однако любопытной, на мой взгляд, является серия открыток с акварелями боснийского художника Тодора Швракича. В настоящий момент неизвестно, сколько открыток входило в комплект (были также открытки с видами других городов, в частности Призрена), в Национальной библиотеке Сербии их хранится три. Относящиеся к периоду Королевства Сербия открытки представляют собой акварельные зарисовки повседневной Приштины: Старая Мечеть, мимо которой идут прохожие; улица в Приштине со старинным османским домом и мужчинами, чинно сидящими в тени деревьев (ил. 4); Главная Мечеть на фоне высоких и непроходимых заборов, за которыми тоже, по всей видимости, кипит жизнь. Возвращаясь к фигуре художника, нужно сказать, что Т. Швракич (1882–1931) родился в семье боснийских сербов в Приедоре (совр. Босния и Герцеговина) и стал первым художником с просторов Боснии и Герцеговины, получившим профильное образование. Несмотря на то что в целом творчество Тодора Швракича по своей сути глубоко патриотично, на картинах нет места административно-политической тематике, и открытки с работами его кисти прекрасно передают колорит и повседневность османского города¹, без намека на присутствие где-то поблизости королевских жандармов и градоначальников.

¹ В 1455 г. город попадает под власть турок-османов [Малетић 1973: 461–463]. В XV в. Приштина была довольно важным экономическим центром (благодаря близости к рудодобывающему региону Ново Брдо): в городе помимо многочисленных местных ремесленных производств располагались торговые представительства Рагузы (Дубровника), Сплита и Задара [Statovci 1982: 28–32; Malcolm 2002: 86]. В первые десятилетия XVI в. значимость Приштины в регионе стремительно падает [Нушић 1986: 188]. С этого момента, будучи уездным городком, хотя и находящимся на перекрестке торговых путей, Приштина оставалась в тени куда более важных и преобладающих по размеру Призрена, Скопье и Ниша [Malcolm 2002: 6–8]. Описания городской среды и характеристики населения начиная со второй половины XVII в. мы находим в заметках путешественников и чиновников [Boué 1854: 202–203; von Hahn 1868: 128; Нушић 1986: 192; Dankoff, Elsie 2000: 21–23].

Эпоха «Братства и Единства»

Совершенно иной предстает Приштина на открытках периода социалистической Югославии. Это абсолютно другой город — новый город для новых людей. Он как будто появился в одночасье после Второй мировой войны: словно из-под земли выросли многоэтажные панельные и кирпичные дома, дворцы спорта, бассейны, памятники партизанам и ударникам социалистического труда, современные гостиницы — и теперь все это служит официальным лицом города, приоткрывая завесу того самого светлого будущего, к которому нужно стремиться (ил. 5).

Самый тиражируемый на почтовых открытках образ той эпохи — бульвар Маршала Тито (ил. 6). Эта улица была проложена прямо по историческому центру, и по ее обеим сторонам были возведены новые четырех- и пятиэтажные дома, в которых располагались не только всевозможные комитеты и министерства, но и квартиры аппаратчиков, творческой и научной интеллигенции, а также привилегированного рабочего класса. Именно на бульваре находятся важнейшие символы комфорта той эпохи: отели «Косовский Божур»¹ (1957–1963) и «Гранд» (1978).

Однако наиболее значимым событием того периода в идеологическом смысле стала реализация в 1959–1961 гг. проекта площади Освобождения (србхрв. *Трг Ослобођења*) с монументом «Братство и Единство» (арх. Б. Йованович, М. Печич) в качестве абсолютной доминанты. Стелообразный памятник, состоящий из трех лопастей и символизирующий единый путь сербов, албанцев и черногорцев Косово к светлому будущему, стал настоящим символом новой Приштины, и его фотографии часто воспроизводились на почтовых открытках, в многочисленных книгах, альбомах и путеводителях о городе и крае и на прочей сувенирной продукции. В семиотическом отношении организация пространства площади также примечательна: стела была установлена между Краевым комитетом партии и зданием Городской коммуны — органами, обеспечивавшими идеологический и общественный порядок.

Справедливости ради стоит заметить, что на открытках того периода встречаются фотографии средневековых османских мечетей, сохранившихся в центре города (некоторые из них все же были разрушены в 1950–1960-е гг.). Однако они перестали быть органичным элементом повседневности с акварелей

¹ Косовский Божур (в переводе с серб. «Косовский Пион») — один из символов Косово. По легенде, после поражения христианской коалиции во главе с сербским князем Лазарем в битве с турками-османами (1389) из крови убитых на Косовом поле выросли пионы.

Т. Швракича, а стали ископаемыми динозаврами, которым была отведена участь памятников архитектуры, объектов культурного наследия. Эти немые свидетели прошлой жизни даже на открытках представлены сами по себе — вне контекста окружающей их ткани городского пространства, зачастую мечети сфотографированы так, что их закрывает ряд деревьев. Возможно, не стоит видеть в этом дополнительных и скрытых смыслов, но создается впечатление, что таким образом органы, отвечавшие за идеологическое воспитание, искусственно маскируют мечеть от зрителя. Повторю: на довоенных открытках (за исключением работ Швракича) места мечетям не находится вовсе — слишком уж явным предстает визуальный месседж сербского политического, административного и культурного (в том числе религиозного) присутствия.

На открытках социалистического периода уделяется некоторое внимание мемориализации значимых исторических событий в истории Сербии и, шире, Югославии. Так, память о битве на Косовом поле (1389) выражается в тиражировании изображения монументальной композиции «Памятник косовским героям» (серб. *Споменик Косовским Јунацима*), возведенной в местности Газиместан в 1953 г., хотя, как было сказано ранее, до Второй мировой войны эту функцию выполняло в основном изображение мавзолея Муратово Тюрбе.

Город без лица: Приштина в поисках прошлого и будущего

Этот раздел ни в коем случае нельзя назвать законченным, поскольку его цель — характеристика почтовых открыток в независимом Косово и анализ доступного к настоящему моменту материала, который год от года постоянно расширяется. Почтовые открытки с видами Приштины можно приобрести в любом сувенирном магазине, а также у торговцев подержанными книгами, которые разворачивают свои прилавки прямо на бульваре Матери Терезы (быв. бульвар Маршала Тито).

Сегодня наиболее прочное место в данном виде индустрии занял фотограф и картограф Исмаиль Гагица, предложивший рынку свою серию открыток с видами Косово и разных городов на территории страны, включая Приштину. На этих открытках представлены фотографии самых различных зданий — от османских мечетей до ультрасовременных небоскребов, включая знаковые памятники эпохи социализма (например, Национальную и университетскую библиотеку Косово, открытую в 1982 г., арх. А. Мутнякович) и монументы периода борьбы Косово за независимость и ее обретения в 2008 г. (композицию NEW-BORN, католический собор Матери Терезы, памятник первому президенту Косово И. Ругова). Интересно отметить, что если

для современного фотографа объекты, возведенные в югославский период (здание библиотеки, отель «Гранд» и др.), выполняют, по всей видимости, мемориальную функцию и выступают символами социалистического прошлого, то те же объекты на открытках «во время оно», наоборот, должны были устремлять чаяния смотрящих в прогрессивное будущее (ил. 7). На открытках И. Гагицы культовые сооружения (мечети, католический и православный соборы), как правило, стоят рядом: вероятно, они призваны транслировать идею мультикультурализма, спускаемую сверху вместе с политической поддержкой со стороны западных партнеров Косово.

Становится очевидным, что автором движет идея показать основные вехи прошлого и актуальное состояние Приштины, однако за этим не угадывается какой-либо глубинной концепции. На некоторых открытках встречаются надписи «Город любви», «Современный город», выполненные на албанском и английском языках. Можно было бы видеть в этом попытку наделить Приштину собственными эмоциями и характеристиками, не связанными с политической конъюнктурой, однако в исполнении И. Гагицы связь визуального образа и вербального определения почти не просматривается. Приходится констатировать, что с точки зрения художественных форм и дизайнерских приемов индустрия сувенирной продукции в Косово в общем находится в зачаточном состоянии, примером чему могут служить открытки И. Гагицы.

Тем не менее в последние годы в этом отношении наблюдается позитивный сдвиг — появляются интересные и небанальные сувениры, включая почтовые открытки. В частности, дизайнер Илире Лепайя в 2015 г. выпустила серию открыток, на которых в живописной манере изображены здания, не дошедшие до наших дней. На одной из них (ил. 8) представлена мечеть «Юсуф Эфенди» (построена в 1455–1551 гг., разрушена в 1954 г.), находившаяся на месте нынешнего отеля «Свисс Даймонд» (“Swiss Diamond”, быв. «Косовский Божур»): изображение сопровождается краткая заметка об истории мечети.

Стоит отметить, что и другие авторы открыток обращаются к досоциалистическому прошлому Приштины, изображая узкие улочки балканского города с османскими домами, лавками-дюкьянами ремесленников и минаретами мечетей, возвышающимися на заднем плане. Этот визуальный ряд удивительно перекликается с работами Т. Швракича, с одной лишь разницей: художник рисовал город, каким он его застал в начале XX в., а плеяда современных косовских дизайнеров пытается концептуально поиграть с образами Приштины, которой больше не существует.

Действительно, среди столичной косовской общественности все громче звучит мнение, что сегодня Приштина является городом без лица, в котором постоянно сменявшие друг друга режимы систематически уничтожали или в лучшем случае наделяли новыми смыслами следы предыдущих эпох. Именно поэтому образы-фантомы навсегда утраченного прошлого нужны современным жителям города, и художникам, и обывателям, — с их помощью Приштина пытается обрести свое лицо, которое город потерял вследствие социальных и культурных потрясений бурного XX в.

Очевидно, что в настоящий момент и политическая, и культурная элита находится на этапе очередного осмысления Приштины и ее ландшафта, и это объяснимо: став столицей пусть частично, но все же признанного государства, город должен соответствовать этому статусу.

Заключение

Поскольку настоящее исследование является по сути пилотным, какие бы то ни было фундаментальные выводы на данном этапе делать не приходится. Однако уже сейчас анализ визуального ряда полиграфической сувенирной продукции (на примере почтовых открыток) в качестве одного из доменов *банального* (обывательского) *национализма* демонстрирует перспективность подобного рода научных проектов.

Во-первых, становится очевидным, что выбор объектов и видов для публичного тиражирования далеко не случаен — за этим, как правило, прочитывается ясный идеологический месседж, цель которого — формирование совершенно определенного официального лица города. Визуальный и вербальный текст открыток коннотативно (по Р. Барту) передает политические и культурные ориентации государств, в которых они были произведены (в частности, на это указывает выбор используемого(-ых) языка(-ов) и алфавитов).

Во-вторых, мы видим, как на почтовых открытках одни и те же объекты культурного ландшафта (в случае Приштины — старинные мечети, сохранившиеся и разрушенные) меняют свои функции и коннотации в зависимости от исторического периода и политической ситуации. И наоборот, анализ источников позволяет также проследить за тем, как одно и то же событие истории (скажем, знаменитая битва на Косовом поле) может быть представлено посредством различных визуальных образов (памятники косовским героям 1924 и 1953 г., Муратово Тюрбе).

В-третьих, анализ языков, использовавшихся на открытках с видами Приштины, демонстрирует, как за минувшие сто лет

сербский постепенно сменился албанским в качестве основного языка надписей на открытках, а политические предпочтения различных государств также оказывали влияние на выбор международного языка — от французского как языка международного делопроизводства в Королевстве Сербия до английского в современном Косово.

Наконец, стоит понимать, что историко-географические регионы Косово и Метохия в течение довольно короткого промежутка времени входили в состав целого ряда политических образований: Королевства Сербия, Королевства Черногория, Королевства СХС, Королевства Югославия, СФРЮ, СРЮ, а в 2008 г. на карте мира появилась частично признанная Республика Косово. Принадлежность территорий Косово и Метохии к государствам с разными политическими режимами обуславливала разработку и внедрение сверху различных моделей и типов нациестроительства, одной из стратегий которого является формирование новых исторических мифов или надделение дополнительными смыслами прежде бытовавших, что находит отражение на глянцевой поверхности обычной почтовой карточки.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве» (рук. С.Ю. Белоруссова).

Источники

- Малетић М.* (уред.). Косово: некад и данас. Београд: Економска политика, 1973. 1024 с.
- Нушић Б.* Косово: опис земље и народа. Београд: Просвета, 1986. 308 с. [1-е изд.: 1902–1903].
- Тодић-Вулићевић Р.* Приштина, приштевци и време. Нови Сад: Матица српска, 1999. 161 с.
- Файнштейн Э.Б.* В мире открыток. М.: Планета, 1976. 140 с.
- Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe: Détails géographiques, topographiques et statistiques sur cet Empire. Vienne: Carl Gerold's Sohn, 1854. Т. 1. 353 p.
- Dankoff R., Elsie R.* (ed.). Evliya Çelebi in Albania and Adjacent Regions (Kosovo, Montenegro, Ohrid). Leiden: Brill, 2000. 308 p.
- Gashi S.* Prishtina e fëmijërisë sime. Prishtinë: Teuta, 2013. 255 f.
- von Hahn J.-G.* Reise von Belgrad nach Salonik, nebst vier Abhandlungen zur alten Geschichte des Morawagebietes. Wien: Tendler, 1868. 270 S.

Библиография

- Барт Р.* Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

- Батакович Д.Т.* Косово и Метохия: история и идеология. Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2014. 400 с.
- Белько Т.В., Агафонова А.В.* Анализ конструктивных трансформаций открытых писем (почтовых карточек) XIX–XX вв. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2015. № 3. С. 365–374.
- Бреус Е.М.* Современные денежные знаки как проявление идеологической функции государственной власти (КНР, 4-я эмиссия, 1987–1999) // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 114–130.
- Ермолин Д.С.* Пространство смерти и этнокультурная мозаика Призрена (Косово / Сербия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 36–56.
- Ермолин Д.С.* Приштина как разделенный город // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 42–68.
- Ермолин Д.С.* Образ Приштины (Косово) на почтовых открытках // Чистов Ю.К. (отв. ред.). Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 202–210.
- Ларина А.Н.* История Москвы в почтовой открытке. М.: Московское ведомство, 2010. 350 с.
- Ломоносов М.Ю.* Возрожденная Дардания: история новопровозглашенного государства в экспозиции музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 59–68.
- Милерюс Н.* Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // Милерюс Н., Коуп Б. (отв. ред.). P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: Европ. гуманит. ун-т, 2008. С. 37–61.
- Мозохина Н.А.* Открытка в музее: проблемы формирования и экспонирования коллекций на современном этапе // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 165–175.
- Родионова А.Е.* Открытка как феномен художественной культуры (на материале русской открытки конца XIX — начала XX века): Дисс. ... канд. философ. наук. М., 1995. 213 с.
- Самбур М.В.* Трансформация открытого письма (открыток) в современном социокультурном пространстве // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 5. С. 97–100.
- Самбур М.В.* Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 4. С. 65–69.
- Anagnostopoulos A.* Picturing Public Space: Ethnicity and Gender in Picture Postcards of Iraclio, Crete, at the Beginning of the 20th Century // Pistrick E., Scaldaferrri N., Schwörer G. (eds.). Audiovisual Media and Identity Issues in Southeastern Europe. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 171–191.
- Atanasovski S.* Proizvođenje Stare Srbije: stopama putopisca, tragom folkloru // Pavlović A. i dr. (ured.). Figura neprijatelja: Preosmišljavanje Srpsko-Albanskih odnosa. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2015. S. 35–51.

- Billig M.* Banal Nationalism. L.: Sage, 1995. 200 p.
- Dann G.* The Language of Tourism: A Sociolinguistic Perspective. Wallingford: CAB International, 1996. 304 p.
- Frewer D.* Japanese Postage Stamps as Social Agents: Some Anthropological Perspectives // Japan Forum. 2002. No. 14. P. 1–19.
- Kolstø P.* (ed.). Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2014. 272 p.
- Koshar R.* “What Ought to Be Seen”: Tourists’ Guidebooks and National Identities in Modern Germany and Europe // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. No. 3. P. 323–340.
- Kürti L.* Picture Perfect: Community and Commemoration in Postcards // Pink S., Kürti L., Afonso A. (eds.). Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography. Abingdon: Routledge, 2004. P. 47–71.
- Lauritzen F.* Propaganda Art in the Postage Stamps of the Third Reich // Journal of Decorative and Propaganda Arts. 1988. No. 10. P. 62–79.
- Lee Y.-S.* Tourist Gaze: Universal Concept // Tourism, Culture and Communication. 2001. Vol. 3. No. 2. P. 93–99.
- Malcolm N.* Kosovo: A Short History. L.: PAN Books, 2002. 492 p.
- Mazor-Tregerman M., Mansfeld Y., Elyada O.* Travel Guidebooks and the Construction of Tourist Identity // Journal of Tourism and Cultural Change. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 80–98.
- Milman A.* The Symbolic Role of Postcards in Representing a Destination Image: The Case of Alanya, Turkey // International Journal of Hospitality and Tourism Administration. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 144–173.
- Milman A.* Postcards as Representation of a Destination Image: The Case of Berlin // Journal of Vacation Marketing. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 157–170.
- Mønnesland S.* National Symbols in Multinational States: The Yugoslav Case. Oslo: Syress Forlag, 2013. 388 p.
- Popović M.* Vidovdan i časni krst: ogleđ iz književne arheologije. Beograd: Knjižara krug, 2007. 269 s.
- Raento P., Brunn S.D.* Visualizing Finland: Postage Stamps as Political Messengers // Geografiska Annaler. Series B: Human Geography. 2005. Vol. 87. No. 2. P. 145–163.
- Rose G.* Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. L.: Sage, 2001. 240 p.
- Rowley A.* Open Letters: Russian Popular Culture and the Picture Postcard, 1880–1922. Toronto: University of Toronto Press, 2013. 323 p.
- Statovci D.* Zhvillimi historik i zejtarisë dhe rëndësia e saj bashkëkohore për strukturën ekonomikë-shoqërore të KSA të Kosovës. Prishtinë: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 1982. 307 f.
- Trifunović B.* Memory of Old Serbia and the Shaping of Serbian Identity. Warsaw: Dig, 2015. 195 p.
- White G.W.* Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe. Oxford: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2000. 328 p.

Postcards with the Sights of Pristina (Kosovo / Serbia): The Image of the City and Its Evolution in the 1910s–2010s

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

This article analyses the different strategies of representation of urban space by means of postcards in different historical periods and within various political entities (on the example of the city of Pristina — the capital of the partially recognized Republic of Kosovo). The author investigates the production and functioning of souvenirs and graphic products (tourist maps, travel guides, bank notes, etc.) as an instrument of symbolic nation-building that is indeed a product of the political regime of a particular state, which pursues certain social and culturally oriented political goals. This study shows that the choice of sites and objects for public representation by means of postcards has been made deliberately, and supports an official ideological message in order to create a clear-cut and official image of the city. Visual and verbal texts of postcards illustrate the political and cultural orientations of the states that have produced those souvenirs. We see it in the choice of the language(-s) and alphabets. Thus, the author has attempted to incorporate the industry of production and existence of a postcard into a phenomenon that social theory calls *banal nationalism*.

Keywords: Pristina, Kosovo, Serbia, Yugoslavia, symbolic nation-building, souvenirs, postcards, representation of urban space.

Acknowledgments

The reported study was funded by the RFBR, research project No. 18-39-20004 “Ethnocultural Projects and Their Leaders in the Post-Soviet Space”.

References

- Anagnostopoulos A., ‘Picturing Public Space: Ethnicity and Gender in Picture Postcards of Iraclio, Crete, at the Beginning of the 20th Century’, Pistrick E., Scaldaferrri N., Schwörer G. (eds.), *Audiovisual Media and Identity Issues in Southeastern Europe*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011, pp. 171–191.
- Atanasovski S., ‘Proizvođenje Stare Srbije: stopama putopisca, tragom folk-lora’, Popović A. et al. (ed.), *Figura neprijatelja: Preosmišljavanje*

- Srpsko-Albanskih odnosa*. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2015, ss. 35–51.
- Barthes R., ‘Rhétorique de l’image’, *Communications*, 1964, no. 4, pp. 40–51.
- Batakoviĥ D. T., *Kosovo i Metokhiya: istoriya i ideologiya* [Kosovo and Metohija: History and Ideology]. Yekaterinburg: Ural Federal University Press, 2014, 400 pp. (In Russian).
- Belko T. V., Agafonova A. V., ‘Analiz konstruktivnykh transformatsiy otkrytykh pisem (pochtovykh kartochek) XIX–XX vv.’ [The Analysis of Constructive Transformations of Open Letters (Postcards) in the 19th–20th Centuries], *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda: Vestnik MGKhPA*, 2015, no. 3, pp. 365–374. (In Russian).
- Billig M., *Banal Nationalism*. London: Sage, 1995, 200 pp.
- Breus E. M., ‘Sovremennye denezhnye znaki kak proyavlenie ideologicheskoy funktsii gosudarstvennoy vlasti (KNR, 4-ya emissiya, 1987–1999)’ [Contemporary Currency Bills as Representations of Ideological Functions of State Power (PRC, the Fourth Emission, 1987–1999)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 1, pp. 114–130. (In Russian).
- Dann G., *The Language of Tourism: A Sociolinguistic Perspective*. Wallingford: CAB International, 1996, 304 pp.
- Ermolin D. S., ‘Prostranstvo smerti i etnokulturnaya mozaika Prizrena (Kosovo / Serbiya)’ [Death Space and Ethno-Cultural Mosaics of Prizren (Kosovo / Serbia)], *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2014, no. 2, pp. 36–56. (In Russian).
- Ermolin D., ‘Pristina kak razdelenyy gorod’ [Pristina as a Divided City], *Antropologicheskij forum*, 2015, no. 25, pp. 42–68. (In Russian).
- Ermolin D. S., ‘Obraz Prishtiny (Kosovo) na pochtovykh otkrytykh’ [The Image of Pristina (Kosovo) in Postcards], Chistov Yu. K. (ed.), *Radlovskiy sbornik: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2015*. St Petersburg: MAE RAS Press, 2016, pp. 202–210. (In Russian).
- Frewer D., ‘Japanese Postage Stamps as Social Agents: Some Anthropological Perspectives’, *Japan Forum*, 2002, no. 14, pp. 1–19.
- Kolstø P. (ed.), *Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe*. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2014, 272 pp.
- Koshar R., ‘“What Ought to Be Seen”: Tourists’ Guidebooks and National Identities in Modern Germany and Europe’, *Journal of Contemporary History*, 1998, vol. 33, no. 3, pp. 323–340.
- Kürti L., ‘Picture Perfect: Community and Commemoration in Postcards’, Pink S., Kürti L., Afonso A. (eds.), *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. Abingdon: Routledge, 2004, pp. 47–71.
- Larina A. N., *Istoriya Moskvyy v pochtovoy otkrytke* [The History of Moscow in Postcards]. Moscow: Moskvovedenie, 2010, 350 pp. (In Russian).
- Lauritzen F., ‘Propaganda Art in the Postage Stamps of the Third Reich’, *Journal of Decorative and Propaganda Arts*, 1988, no. 10, pp. 62–79.

- Lee Y.-S., 'Tourist Gaze: Universal Concept', *Tourism, Culture and Communication*, 2001, vol. 3, no. 2, pp. 93–99.
- Lomonosov M. Yu., 'Vozrozhdenneya Dardaniya: istoriya novoprovzglashennogo gosudarstva v ekspozitsii muzeya Kosovo' [Dardania Revived: The History of the New State in a Kosovo Museum Exposition], *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 59–68. (In Russian).
- Malcolm N., *Kosovo: A Short History*. London: PAN Books, 2002, 492 pp.
- Mazor-Tregerman M., Mansfeld Y., Elyada O., 'Travel Guidebooks and the Construction of Tourist Identity', *Journal of Tourism and Cultural Change*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 80–98.
- Milerius N., 'Sinkhronizatsiya i desinkhronizatsiya nastoyashchego i proshlogo na sovetskom i postsovetskom prostranstvakh' [Synchronisation and Desynchronisation of Present and Past in the Soviet and Post-Soviet Space], Milerius N., Cope B. (eds.), *P.S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniy* [P.S. Landscapes: Optics of Urban Studies], Vilnius: European Humanities University Press, 2008, pp. 37–61. (In Russian).
- Milman A., 'The Symbolic Role of Postcards in Representing a Destination Image: The Case of Alanya, Turkey', *International Journal of Hospitality and Tourism Administration*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 144–173.
- Milman A., 'Postcards as Representation of a Destination Image: The Case of Berlin', *Journal of Vacation Marketing*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 157–170.
- Mozokhina N. A., 'Otkrytka v muzee: problemy formirovaniya i ekspozirovaniya kollektsey na sovremennom etape' [Postcard in a Museum: The Problems of Forming and Exhibiting Collections at the Present Stage], *Voprosy muzeologii*, 2012, no. 1, pp. 165–175. (In Russian).
- Mønnesland S., *National Symbols in Multinational States: The Yugoslav Case*. Oslo: Syress Forlag, 2013, 388 pp.
- Popović M., *Vidovdan i časni krst: ogleđ iz književne arheologije*. Belgrade: Knjižara krug, 2007, 269 ss.
- Raento P., Brunn S. D., 'Visualizing Finland: Postage Stamps as Political Messengers', *Geografiska Annaler*, series B: Human Geography, 2005, vol. 87, no. 2, pp. 145–163.
- Rodionova A. E., Otkrytka kak fenomen khudozhestvennoy kultury (na materiale russkoy otkrytki kontsa XIX — nachala XX veka) [The Postcard as a Phenomenon of Artistic Culture (On the Material of Russian Postcards of the Late 19th to Early 20th Centuries)]: PhD Thesis. Moscow, 1995, 213 pp. (In Russian).
- Rose G., *Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*. London: Sage, 2001, 240 pp.
- Rowley A., *Open Letters: Russian Popular Culture and the Picture Postcard, 1880–1922*. Toronto: University of Toronto Press, 2013, 323 pp.
- Sambur M. V., 'Transformatsiya otkrytogo pisma (otkrytok) v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve' [The Transformation of Open Letters (Postcards) in the Modern Socio-Cultural Landscape],

- Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2011, no. 5, pp. 97–100. (In Russian).
- Sambur M. V., ‘Pochtovaya otkrytka kak istochnik informatsii po istorii i kulture’ [The Postcard as a Data Source on History and Culture], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, no. 4, pp. 65–69. (In Russian).
- Statovci D., *Zhvillimi historik i zejtarisë dhe rëndësia e saj bashkëkohore për strukturën ekonomiko-shoqërore të KSA të Kosovës* [Historical Development of Crafts and Its Current Importance for the Economical and Social Structure of SAP Kosovo]. Pristina: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 1982, 307 pp.
- Trifunović B., *Memory of Old Serbia and the Shaping of Serbian Identity*. Warsaw: Dig, 2015, 195 ff.
- White G. W., *Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe*. Oxford: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2000, 328 pp.

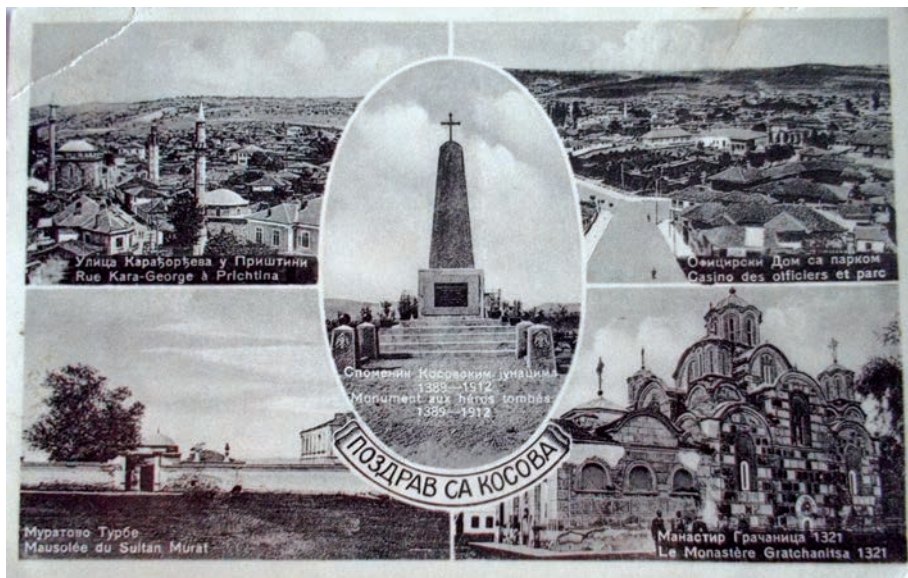
Иллюстрации к статье Дениса Ермолина

Ил. 1. Надпись на лицевой стороне: «Сербское окружное начальство в Приштине (Здание бывшей турецкой управы в Приштинском мутесарифлуке)» (на серб. яз.). Београд: Књижара Рајковића и Вуковића. Отправлена в 1913 г. Архив Национальной библиотеки Сербии. № Рг 688/1

Ил. 2. Надпись на лицевой стороне: «Приштина. Офицерский дом» (на сербхрв. яз., кир.). Приштина: Књижара Боре Топаловића. Отправлена в 1929 г. Архив Национальной библиотеки Сербии. № Рг 688/31

Ил. 3. Надпис на лицевјој страни: «Привет с Косова» (на србхрв. јаз., кир.).
 Надпис дублирује се на оборотној страни на србохрватском и француском.

Приштина: Књижара Хаџи Илије Лазића.

Отправљена у 1933(?) г.

Архив Националној библиотеке Србије. № Рг 688/35

Ил. 4. Надпис на оборотној страни: «Улица у Приштини».
 Акварел Т. Швракича» (на срб. и фр. јаз.). Ceský Brod: Турсограм Л. Венеš, 1913.

Отправљена у 1914 г.

Архив Националној библиотеке Србије. № Рг 1492/ССхСВ-4

Ил. 5. Надпись на лицевой стороне: «Привет из Приштины» (на србхрв. и алб. яз.).
 Zagreb: Turistkomerc.
 Отправлена в 1981 г.
 Частный архив информанта

Ил. 6. Надпись на оборотной стороне: «Приштина. Улица М. Тито»
 (на србхрв. яз., лат. и кир.). Priština: Duvan, 1965.
 Архив Национальной библиотеки Сербии.
 № Pr 305/24

Ил. 7. Надпись на лицевой стороне: «Приштина. Город любви» (на англ. и алб. яз.).
Автор Исмаиль Гагица. Prishtina: OrGIS, 2013. Архив автора

Ил. 8. Надпись на оборотной стороне открытки: «Старая Приштина. Виды Старой Приштины. Бывшая мечеть “Юнус Эфенди”, построенная в 1551 г., располагалась в центре Приштины, рядом с нынешним зданием Национального театра. Дома в то время строились в основном из камня, глины и кирпича» (на алб. и англ. яз.). Автор Илире Лепайя.
Prishtina, 2015. Архив автора